

В. М. Есинов

*Мифы
и Реалии*

ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Е83

Есипов В. М.

Е83 Мифы и реалии пушкиноведения : Избранные работы. — М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — 432 с.

ISBN 978-5-4469-1292-6

В книге известного литературоведа В. М. Есипова рассматриваются такие проблемные вопросы пушкиноведения, как отношение Пушкина к идеям декабризма и декабристам, отношения Пушкина с императором Николаем I, подлинность Записок А. О. Смирновой-Россет и многие другие. Самая ранняя из статей, вошедших в книгу, «Исторический подтекст “Пиковой дамы”», была снята советской цензурой из готового номера журнала «Вопросы литературы» в 1984 году и увидела свет только в 1989-м, в так называемую перестройку. Последняя по времени — статья «Между “Онегиным” и “Дмитрием Самозванцем” (Царь и Бенкендорф в противостоянии Пушкина с Булгариным)» опубликована в 2017 году в журнале «Новый мир». В. М. Есипов — автор книг «Пушкин в зеркале мифов» (2006), «Божественный глагол. Пушкин. Блок. Ахматова» (2010), «От Баркова до Мандельштама» (2016), «Четыре жизни Василия Аксенова» (2016), а также составитель и комментатор посмертных изданий Василия Аксенова.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4469-1292-6

9 785446 912926

© В. М. Есипов, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

Статьи, вошедшие в книгу (все они публиковались), написаны в разное время: самая ранняя — в 1984-м, самая поздняя — летом 2017 года, но все они представляются автору наиболее важными среди других его сочинений, поэтому книга имеет подзаголовок «избранные работы». Каждая из них полемична по своей сути, предлагается ли в ней новое решение известной пушкиноведческой проблемы или обосновывается позиция автора по той или иной теме, ставшей вдруг предметом обсуждения.

Значительное место в книге занимает опровержение некоторых пушкиноведческих решений советского времени — времени, когда в любой отрасли знаний преобладала идеологическая составляющая. Не избежали этой участи и многие работы выдающихся советских пушкинистов: Д. Д. Благого, П. Е. Щеголева, М. А. Цявловского, С. М. Бонди, Т. Г. Цявловской. Они служили своему времени, а время требовало от них противопоставить «старому», «отжившему» литературоведению царского времени новые представления о литературе, об истории, о Пушкине.

И если Пушкин до революции 1917 года выглядел либералом, приемлющим монархическое устройство России и не приемлющим революционные методы декабристов, то теперь нужно было доказать, что досоветская пушкинистика в силу существовавших в самодержавной государственной системе представлений искажала факты, замалчивала антимонархические и антиклерикальные произведения поэта.

Каждая историческая эпоха хочет иметь своего Пушкина. Советской эпохе необходим был новый образ первого национального поэта, согласующийся с представлениями, принятыми в новой общественной системе. И одной из насущнейших

задач на этом пути советским пушкинистам представлялось установление тесной идейной связи между Пушкиным и декабристами, которые, по известному высказыванию «вождя мирового пролетариата», «разбудили Герцена» и т. д.

То есть декабрьское восстание 1825 года на Сенатской площади Петербурга было провозглашено началом русского революционного движения, приведшего в 1917 году к падению самодержавия и установлению «власти народа». Насколько утопичны были представления о новой общественной системе у той части русской интеллигенции, которая пошла за большевиками, показало время. Но тогда эти русские интеллигенты верили в новые идеалы и исполняли свой гражданский долг на том поприще, на котором могли реализовать себя.

При этом нельзя не признать, что трудами и энергией корифеев советского пушкиноведения наука о Пушкине выросла в мощную дисциплину и заслуженно стала лидером отечественной филологии; как нельзя не признать и того, что все они были выдающимися специалистами, крупнейшими учеными. Невозможно переоценить их заслуги в фундаментальном исследовании биографии и творчества Пушкина, в осмыслении и трактовке пушкинских произведений, в освоении его рукописного наследия, в становлении и развитии текстологии пушкинских текстов, — все это общеизвестно!

Но при этом, поставив себе задачу освободиться от тенденциозности предыдущей эпохи, ведущие советские пушкинисты привнесли в пушкинистику нового времени новую тенденциозность, примером чему служат некоторые их решения при издании Полного собрания сочинений поэта, осуществленного в 1937–1949 годах, а также решения по отдельным проблемам пушкиноведения.

Опровержению советских пушкиноведческих мифов посвящены такие представленные в книге работы, как «Миф об "утаенной любви"», «Пушкин и декабристы», «Нет, нет, Барков, скрипицы не возьму!..» (размышления по поводу анонимной баллады «Тень Баркова»), «Подлинны по внутренним основаниям...» (заметки А. О. Смирновой-Россет), «Между "Онегиным"»

и ”Дмитрием Самозванцем“ (царь и Бенкендорф в противостоянии Пушкина с Булгариным)».

В последней из них, написанной совсем недавно, поднимается вопрос о необходимости пересмотра принятого в советское время взгляда на характер отношений между Пушкиным и императором Николаем I, пересмотра объективного, без крена в ту или иную сторону.

Вместе с тем в наше время, через четверть века после краха советской политической системы, возникли свои тенденции, отражающие сегодняшнюю злобу дня. И вот уже надменный и самодовольный карьерист, генерал-губернатор Новороссии, известный льстец царю и сам поощряющий лесть подчиненных в свой адрес, граф М. С. Воронцов представляется многим нашим современникам великим государственным и военачальником, несправедливо якобы дискредитированным юношей Пушкиным. А легенда о генерале, герое Отечественной войны с Наполеоном, Н. Н. Раевском, созданная пропагандистской заметкой в газете «Северная почта» от 31 июля 1812 года, вдруг оказывается востребованной сегодня (как и советская легенда о 28 панфиловцах). Этими тенденциями вызваны к жизни работы «Сановник и поэт» (к истории конфликта Пушкина с графом М. С. Воронцовым) и «И вот как пишут историю...» (легенда о генерале Раевском).

Другие работы формулируют позицию автора по таким спорным вопросам пушкиноведения, как, например: кто является адресатом стихотворения Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...» или что следует подразумевать под «Александрийским столпом» в пушкинском «Памятнике», картина какого великого живописца (Рафаэля или Перуджино) имеется в виду в стихотворении «Мадонна», почему в незавершенном пушкинском отрывке «Когда порой воспоминанье...» мысль Пушкина переносится из Италии к «студеным северным волнам» и печальному острову, возвышающемуся над ними?

Все это и составляет содержание книги.

МИФ ОБ «УТАЕННОЙ ЛЮБВИ»

«СКАЖИТЕ МНЕ, ЧЕЙ ОБРАЗ НЕЖНЫЙ...»

1

В своем известном выступлении «О назначении поэта», посвященном памяти Пушкина, Александр Блок 10 февраля 1921 года провозгласил: «Мы знаем Пушкина — человека, Пушкина — друга монархии, Пушкина — друга декабристов. Все это бледнеет перед одним: Пушкин поэт»¹.

Однако столь многосторонний подход к творчеству и личности Пушкина уже совершенно не соответствовал требованиям и представлениям наступившей эпохи. Для идеологов утвердившейся в России политической системы единственно важной и необходимой стала только одна часть блоковского определения: «Пушкин — друг декабристов». Перед этим утверждением все остальные стороны пушкинского наследия не то, чтобы «побледнели», а просто стали ненужными. Сквозь призму этого единственного постулата стали рассматриваться все существующие в пушкиноведении проблемы (биографического, художественно-стилистического, историко-литературного плана), в том числе вопрос об «утаенной любви» поэта, которому посвящена настоящая глава.

Проблема эта впервые была поставлена в пушкиноведении еще П. И. Бартеневым. В 10-е годы прошлого века разгорелась острая полемика о том, кто был предметом самой сильной и длительной по времени любви поэта: М. О. Гершензон называл в связи с этим кн. М. А. Голицыну (внучку А. В. Суворова)²,

¹ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 160.

² Гершензон М. Северная любовь А. С. Пушкина // Вестник Европы. СПб., 1908.

а горячо возражавший ему П. Е. Щеголев — кн. М. Н. Волконскую (урожденную Раевскую)¹. В результате дискуссии, отличавшейся не совсем уместной для данного случая запальчивостью, Гершензон фактически отказался от кандидатуры М. А. Голицыной, но при этом посчитал не опровергнутым свое утверждение о «северной любви» поэта, то есть о том, что такая особенно сильная любовь была пережита Пушкиным не на юге, а в Петербурге, до высылки на юг в 1820 году. Он справедливо указал на то, что его оппонент оставил этот главный вопрос полемики без рассмотрения².

К сожалению, этот главный вопрос так и остается без ответа. В советском пушкиноведении точка зрения Щеголева утвердилась очень прочно, так как оказалась неожиданно созвучной основной идеологической тенденции новой эпохи в популяризации наследия Пушкина: поэта необходимо было представить многомиллионному читателю безусловным приверженцем декабристских идей, борцом против самодержавия, революционером. В этих условиях версия о любви к легендарной женщине, жене декабриста, добровольно последовавшей за мужем в Сибирь, представлялась особенно притягательной, романтической и, главное, идеологически оправданной. До последнего времени она приводилась как научно доказанная в большинстве комментированных изданий, использовалась в музейных экспозициях, школьных учебниках и в популярных изданиях о Пушкине. Тем настоятельнее необходимость вернуться к ее истокам, дать ей современную оценку.

Нельзя сказать, что эта версия была принята безоговорочно. Например, в 1939 году против нее выступил Ю. Н. Тынянов³, указавший (правда, безуспешно) на те же зияющие просчеты в ее построении, которые были уже отмечены ранее Гершензоном.

¹ Щеголев П. Е. Утаенная любовь А. С. Пушкина // Пушкин. Очерки. СПб., 1912.

² Гершензон М. В ответ П. Е. Щеголеву // Пушкин и его современники. Вып. XIV. СПб., 1911.

³ Тынянов Ю. Н. Безыменная любовь // Пушкин и его современники. М., 1969.

Он тоже отнес «утаенную любовь» ко времени пребывания Пушкина в Петербурге, до ссылки на юг. Подтверждением этому служат многочисленные указания в произведениях поэта. Например, в эпилоге поэмы «Бахчисарайский фонтан», над которой он работал с весны 1821 до 1823 года:

Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную,
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...¹

Еще более красноречиво свидетельствуют об этом черновые варианты эпилога поэмы:

Иль только сладостный предмет
Любви таинственной, унылой —
Тогда... но полно! вас уж нет,
Мечты невозвратимых лет.
Во глубине души остылой
Не тлеет ваш безумный след...

Ты возмужал средь испытаний,
Забыл проступки ранних лет,
Постыдных слез, воспоминаний
И безотрадных ожиданий
Забудь мучительный предмет.

След той же любви находим в элегии «Погасло дневное светило...», написанной осенью 1820 года:

...Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви ничто не излечило...

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1994. Т. IV. С. 170. Все цитаты — по этому изданию, ссылки даются в тексте в скобках: римской цифрой обозначается том, арабской — страница. Курсив в цитатах везде наш.

Воспоминание о безотрадной любви содержится и в первой главе «Евгения Онегина», законченной в октябре 1823 года:

... Вдыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

...Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я все грущу; но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет...

Приведенные стихи неопровержимо свидетельствуют о том, что Гершензон и Тынянов были правы: Пушкин пережил в Петербурге большую и сильную любовь, воспоминания о которой продолжали волновать его на юге. Как известно, Щеголев ничего не смог возразить по этому поводу в полемике с Гершензоном.

Ощутимый удар по концепции П. Е. Щеголева нанес и Б. В. Томашевский, доказавший, что «дева юная» в элегии «Редет облаков летучая гряда...» — это Екатерина Раевская¹. Таким образом, все попытки связать элегию с М. Н. Волконской оказались несостоятельными, что лишило сторонников ее кандидатуры одного из важнейших аргументов.

Кроме того, до сих пор совершенно не принимается во внимание фактическая сторона вопроса: ко времени знакомства с Пушкиным на юге Марии Николаевне еще не исполнилось 15 лет. Любопытно, что по воспоминаниям графа Г. Олизара, страстно и безнадежно влюбленного в М. Н. Волконскую, на которые ссылается Щеголев, она в то время (1820 г.) представлялась ему «малоинтересным смуглым подростком»². В последующие годы она могла встречаться с Пушкиным мельком или случайно, как это произошло в 1826 году в салоне

¹ Томашевский Б. В. «Таврида» Пушкина // Уч. записки ЛГУ. Серия филологических наук. Вып. 16. № 122. 1949.

² Щеголев П. Е. С. 147.

З. А. Волконской, но этой встрече в пушкиноведении придали чрезмерное значение.

Воспоминания самой Марии Николаевны тоже не подтверждают версию Щеголева. Известное место в них, где тридцать с лишним лет спустя она утверждает, что Пушкин, оказавшийся невольным свидетелем ее игры с морской волной, «поэтизируя детскую шалость», написал затем «прелестные стихи», послужило в свое время основанием связать с ее именем XXXIII строфу первой главы «Евгения Онегина»¹.

Однако Ю. М. Лотман показал возможность «иной биографической трактовки строфы»: как следует из письма В. Ф. Вяземской мужу от 11 июля 1824 года из Одессы, эти стихи могут быть отнесены и к Е. К. Воронцовой. А сам Пушкин, посылая осенью 1824 года Вяземской из Михайловского в Одессу дополнение к первой главе (по мнению Лотмана, именно эту строфу), признавался: «Вот, однако, строфа, которою я вам обязан»².

Следовательно, отнесение этой строфы «Онегина» к М. Н. Волконской весьма проблематично. К тому же отброшенные в ее цитации строки, где поэт признается, что никогда еще «не желал с таким мученьем»

Лобзать уста молодых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем... —

мягко говоря, слишком смело было бы относить к девочке-подростку.

Наконец, версия Щеголева никак не согласуется с «Донжунанским списком» Пушкина. Хотя мы и не склонны преувеличивать значение последнего, но и полностью игнорировать его существование вряд ли справедливо. А ведь в нем «утаенная

¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М., 1974. С. 215.

² Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Л., 1983. С. 164.

любовь», которая, как принято считать, скрыта за обозначением «NN», находится между «Катериной» и «Кн. Авдотьей», то есть между Е. С. Семеновой и княгиней Е. И. Голицыной, и должна относиться, следовательно, к петербургскому периоду жизни Пушкина, до ссылки на юг. Если учесть явно выраженную хронологичность списка, то и здесь версия Щеголева не выдерживает критики.

К М. Н. Волконской не могут быть отнесены ни элегия «Редет облаков летучая гряда...», как это доказал Томашевский, ни эпилог «Бахчисарайского фонтана», совершенно явно связанный с воспоминанием о «ранних», «прежних», отроческих годах автора («Ты возмужал средь испытаний, / Забыл проступки ранних лет...»), ни стихи «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» — как показала М. П. Султан-Шах¹, ни некоторые другие стихи, которые с легкостью связывали с ее именем в последние десятилетия. Нет оснований относить к ней и посвящение «Полтавы», но это утверждение требует специального рассмотрения, к которому мы теперь переходим.

2

В основе версии о М. Н. Волконской как предмете «утаенной любви» Пушкина лежит сомнительно истолкованная строка из черновика посвящения «Полтавы»: «Сибири хладная пустыня», найденная и расшифрованная самим Щеголевым. Он увидел в ней первоначальную редакцию стиха, вошедшего в окончательный пушкинский текст в следующем виде: «Твоя печальная пустыня...».

Заменяя «печальную пустыню» Сибирью, он получал местонахождение М. Н. Волконской в 1828 году, во время написания

¹ Султан-Шах М. П. М. Н. Волконская о Пушкине в ее письмах. 1830–32 гг. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 1. М.; Л., 1956. С. 262–266. Более подробно эта работа будет рассмотрена нами в следующем разделе настоящей главы «Печаль моя полна тобою...».

посвящения. Однако такая замена совершенно непропорциональна. Гершензон, а затем Тынянов убедительно показали, что эта черновая строка в сочетании с другой, впереди стоящей, обретает совсем не тот смысл, какой придавал ей Щеголев.

В черновике написано:

Что без тебя..... свет
Сибири хладная пустыня (V, 324),

то есть мир для поэта без этой женщины, к которой он обращается в посвящении, подобен Сибирской пустыне, Сибирь здесь — метафора¹. Без этого основного аргумента все остальные доводы Щеголева, как заметил еще Гершензон, «падают сами собой»².

Щеголев также придавал этому аргументу особое значение: «Все наши наблюдения приводят нас к заключению, что мучительным и таинственным предметом любви Пушкина на юге в 1820-м и следующих годах была М. Н. Волконская, но при всей их доказательности должно признать, что они все же нуждаются в фактическом подкреплении, которое возвело бы *предположения и догадки* на степень достоверного утверждения. Мы можем указать такое подкрепление (курсив наш. — В. Е.)»³, — заключал он с торжеством, переходя к анализу черновиков посвящения «Полтавы».

¹ Также в стихотворении «Увы! Язык любви болтливый...», обращенном к А. А. Олениной (черновик которого находится, кстати, среди черновых набросков первой песни «Полтавы»), метафорой, характеризующей положение поэта, является «жизненная пустыня»:

Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар.
Доселе в жизненной пустыне,
Во мне питаю сердца жар...

Подобный же образ Пушкин через несколько месяцев собирался использовать и в посвящении «Полтавы».

² Гершензон М. В ответ П. Е. Щеголеву. С. 4.

³ Щеголев П. Е. Пушкин. Очерки. СПб., 1912. С. 164.

Однако позднейший текстологический анализ упомянутых черновых вариантов, произведенный Н. В. Измайловым, «подтвердил правильность понимания текста Гершензоном и показал, что стих “Сибири хладная пустыня” не может служить прямым аргументом для гипотезы Щеголева»¹. То есть, используя выражение самого Щеголева, его «предположения и догадки» все же не достигают «степени достоверного утверждения».

В упомянутой нами работе Щеголев провозглашал, что «в пушкиноведении изучение чернового рукописного текста становится вопросом метода, и в сущности ни одно исследование, биографическое и критическое, не может быть оправдано, если оно оставило без внимания соответствующие теме черновики»².

Однако сам он оказался не вполне последовательным в осуществлении провозглашенного им принципа, так как основывался лишь на изучении черновики «Посвящения» и оставил без всякого внимания черновики самой поэмы, которые ему также, разумеется, были хорошо известны. А ведь черновики поэмы, по-видимому, вполне «соответствуют теме» исследования, когда решается вопрос о том, кому эта поэма посвящена.

Если бы она действительно была посвящена М. Н. Волконской, то черновая рукопись поэмы содержала бы дополнительные подтверждения этому: графические изображения ее лица, фигуры или какие-либо иные знаки, свидетельствующие о том, что поэт в процессе работы над поэмой вспоминал свою давнюю знакомую, думал о ней, повторял ее имя. Ничего этого в рукописи нет. Там действительно находим мы женские профили и анаграммы женского имени, но относятся они к Анне Алексеевне Олениной.

Как известно, летом 1828 года Пушкин был настолько серьезно увлечен ею, что даже делал ей предложение, отвергнутое, впрочем, семьей Олениных. Рассматривая этот период жизни и творчества поэта, Т. Г. Цявловская сделала в свое время знаменательный вывод: «...мы не можем не указать, что, как бы ни были сложны и порой тяжелы для Пушкина отношения

¹ Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 570.

² Щеголев П. Е. Пушкин. Очерки. С. 165.

его к Олениной, она была центральным образом его лирики 1828 года и что она вдохновила поэта на создание одного из самых больших циклов любовных стихотворений за всю его жизнь»¹.

После признания столь важной роли Олениной в творческой биографии поэта представляется удивительным тот факт, что поэма «Полтава», также в 1828 году создававшаяся, до сих пор с ее именем никак не связывалась. А ведь именно отношения с Анной Олениной занимали мысли Пушкина в период работы над поэмой, о чем свидетельствуют его записи и рисунки в черновиках «Полтавы». Несмотря на то что почти все они уже публиковались в пушкиноведческой литературе, приведем их здесь (они находятся в тетради № 2371):

1) запись на л. 11/2, предположительно относящаяся к маю 1828 года (начало работы над поэмой):

[Olenina]

Pouchkine

[Annette];

2) запись на л. 48₁ по черновику первой песни, оконченной 3 октября 1828 года:

Olenine [Annette Pouch]

Olenine [AP]

[AP];

3) запись на л. 57₂ на полях третьей песни, писавшейся 9–16 октября 1828 года:

Aninelo

A.O.

A.O.

Aninelo

A.O.

Aninelo

Aninelo²;

¹ Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. М.; Л., 1958. С. 292.

² Рукою Пушкина. Л., 1935. С. 314–317.

4) на л. 47₁ два известных пушкинистам профильных портрета А. А. Олениной;

5) на л. 46₁ слева под профильным изображением усатого украинца нами обнаружены не очень отчетливые буквы «АР», начертание которых сходно с теми, что находятся на л. 48₁.

Т. Г. Цявловской записи в тетради № 2371 откомментированы следующим образом: «Черновые рукописи Пушкина выдаются неуспокоившиеся мечтания его. Вновь появляются в рукописи заветные сочетания имен: "Olenine", "Olenine", "Annette Pouch", "Annette", "AP", "AP". Все, кроме фамилии Олениной, зачеркнуто. И еще через несколько страниц пишет поэт "Aninelo", "А.О." и вновь, и вновь повторяет эти начертания, тут же и дальше»¹.

В этих записях и рисунках чрезвычайно важны даты, раскрывающие динамику творческого процесса и связь его с размышлениями об Олениной:

- 1) на л. 11/2 — приблизительно 9 мая;
- 2) на л. 46₁, 47₁, 48₁ — не позднее 3 октября;
- 3) на л. 57₂ — с 9 по 16 октября.

27 октября 1828 г. в Малинниках было написано «Посвящение».

«Уехав из Петербурга, поэт увезет с собой и воспоминание о той, которая вдохновляла его и чей образ был для него путеводной звездой в трудные и напряженные месяцы весны и лета уходящего года. Чувство к Олениной впитало живые радости и тревоги, надежды и разочарования, одухотворило холодный и мрачный облик парадной столицы Российской империи с ее контрастами пышности и бедности, "стройным видом" и "духом неволи"»², — утверждает современный исследователь в очерке об Олениной, разумеется, по существующей традиции никак не связывая это свое заключение с поэмой «Полтава»...

Так обстоит дело с фактологической точки зрения. А если обратиться к тексту самого «Посвящения»?

¹ Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной. С. 273.

² Петербургские встречи Пушкина. Л., 1987. С. 239.

Отдельные его строки содержат совершенно явную образно-смысловую, а местами и лексическую перекличку с циклом стихотворений, обращенных к Олениной. Так, одним из центральных смысловых мотивов его является следующий: женщина, отвергнувшая в прошлом любовь поэта, всегда с безусловным одобрением относилась к его творчеству:

Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало милые тебе...

Этот же мотив содержится в обращенном к Олениной стихотворении «Увы! Язык любви болтливый...», по соседству с черновиком которого находится среди черновых набросков первой песни «Полтавы» первая из приведенных нами выше записей ее имени в тетради № 2371:

Тебя страшит любви признание,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.

Другим примером может служить слово «нежность» и образные от него эпитеты. Ведь «Посвящение» содержало в черновой рукописи признание: «I love this sweet name (Я люблю это нежное имя)». Характерно, что и в стихах, обращенных к Олениной, весьма часто встречаются «нежности»: «И сколько неги и мечты!..» («Ее глаза»); «С улыбкой нежною прочтешь...» («Увы! Язык любви болтливый...»); «Опечалься: взор свой нежный...» («Предчувствие»); «Я вас любил так искренно, так нежно...» («Я вас любил, любовь еще, быть может...»). Известно, кроме того, что при выборе имени для героини поэмы Пушкин оставался свое внимание и на имени Анна.

Третий пример переклички: в «Посвящении» поэт наделяет свою избранницу «душою скромной». А в стихах к Олениной, например, в стихотворении «Ее глаза», он видит в ней «детскую простоту», «скромную грацию», сравнивает с «ангелом

Рафаэля», в стихотворении же «Предчувствие» называет ангелом: «мой ангел», «ангел кроткий, безмятежный». Но ведь эти стихи создавались параллельно с работой над поэмой!

Однако самый яркий пример соотнесенности, внутренней связи посвящения «Полтавы» со стихами «оленинского цикла» дает сопоставление с указанными стихами того места «Посвящения», где поэт заклиняет свою избранницу помнить о том, какое место занимает она в его душе:

И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

То же заклинание, то же откровеннейшее признание находим мы в стихотворении «Предчувствие»:

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости;
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

Анна Ахматова в неоконченной работе о повести «Уединенный домик на Васильевском» охарактеризовала это стихотворение как крик о помощи:

«Что может быть пронзительней и страшнее этих воплей воистину как-то гибнущего человека, который взывает о спасении, взывает к чистоте и невинности». Полагая, что «Пушкин — Павел», «Оленина — Вера», Ахматова предположила,

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ	3
МИФ ОБ «УТАЕННОЙ ЛЮБВИ»	6
«Скажите мне, чей образ нежный...»	6
«Печаль моя полна тобою...»	42
ПУШКИН И ДЕКАБРИСТЫ	67
«К убийце гнусному явись...»	67
Вокруг «Пророка»	92
Исторический подтекст «Пиковой дамы»	110
Германн, Нарумов и любовная интрига	127
«Милость к падшим...»	137
Почему Италия?	144
«НЕТ, НЕТ, БАРКОВ! СКРЫПИЦЫ НЕ ВОЗЬМУ...»	155
«ПОДЛИННЫ ПО ВНУТРЕННИМ ОСНОВАНИЯМ...»	212
САНОВНИК И ПОЭТ	242
ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ	275
«С Гомером долго ты беседовал один...»	275
«Крив был Гнедич поэт...»	292
К истории создания шестой главы «Евгения Онегина»	295
РАЗНЫЕ СЮЖЕТЫ	309
Между «Онегиным» и «Дмитрием самозванцем»	309
«Не дай мне бог сойти с ума...»	317
Александровская колонна или Александрийский маяк?	327
Рафаэль или Перуджино?	338

Кто же все-таки «поэт той чудной стороны»?	346
«Оставля честь судьбе на произвол...»	359
«А чара — и не то заставит...»	372
«И вот как пишут историю!..»	393
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	412
ЛИТЕРАТУРА	424

**Виктор Михайлович
ЕСИПОВ**

**МИФЫ И РЕАЛИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ
(Избранные работы)**

Выпускающий редактор *Л. В. Батришина*
Корректоры *О. В. Федорова, Т. В. Никонова*
Оригинал-макет *Е. Н. Ванчурина*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 29.10.2018. Формат 60 × 84¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 25,2. Тираж 500 экз. Заказ № 705

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 965 048 04 28